

АННА АХМАТОВА И ДОСТОЕВСКИЙ

Хорошо известно, что Пушкин занимает особое место в поэтическом мире Анны Ахматовой, ее исследовательские работы вошли в золотой фонд советской пушкинистики. Но немногие знают о том, какое значение имел для нее Достоевский. Как свидетельствуют современники, Ахматова поклонялась Достоевскому и считала его величайшим явлением в русской и мировой литературе. Она высоко ценила творчество Достоевского и серьезно занималась его изучением.

Судя по сохранившимся вариантам планов, у Ахматовой было два замысла: первый — включить отдельную статью о Ф. М. Достоевском в книгу прозы «Мои полвека», второй — это статья «Пушкин и Достоевский», которая должна была войти в сборник ее статей о Пушкине.

О своей второй работе Анна Андреевна пишет:

«После постановления 1946 года занималась темой «Пушкин и Достоевский». Тема огромна, материалов бездна. Сначала я просто теряла голову, сама не верила себе. Ирина Николаевна Томашевская всегда говорит, что это лучшее из всего, что я сделала».

Ниже Ахматова делает приписку:

«Сожгла со всем архивом, когда Леву взяли в ноябре 1949 года».

Сейчас трудно говорить о содержании этой работы, потому что рукописи Ахматовой так и не разысканы, но, возможно, часть из того, что было задумано Ахматовой в ее статье,

---

При публикации докладов Международных Достоевских чтений (в Музее Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге), составивших этот раздел, мы не всегда имели возможность обратиться к авторам с просьбой отредактировать текст и расставить сноски, за что приносим извинения им и нашим читателям.

вошло позже в дополнения, сделанные для новых редакций ее работ о Пушкине.

Например, к «Каменному гостю»:

«Головокружительная краткость... очень характерна для Пушкина. Это стремление к краткости очень сильно сказалось и в «Каменном госте». Эта маленькая трагедия подразумевает очень большую предысторию, которая благодаря чудесному умению автора уместается в нескольких строках, там и сям вкрапленных в текст. Этот прием в русской литературе великолепно и неповторимо развил Достоевский в своих романах-трагедиях; в сущности, читателю-зрителю предлагается присутствовать только при развязке. Таковы «Бесы», «Идиот» и даже «Братья Карамазовы». Все уже случилось где-то там, за границами данного произведения: любовь, ненависть, предательство, дружба. Таков же и «Каменный гость» Пушкина... И не случайно, конечно, появляются «лавры и лимоны» «Дядюшкиного сна» при описании пародийной Испании в самом начале творческого пути Достоевского, а в своей предсмертной (1880 г.) речи о Пушкине Достоевский называет «Каменного гостя» как образец и доказательство всемирности Пушкина и как одно из величайших произведений».

Личные отзывы Ахматовой о Достоевском в определенной мере могут дополнить мемуарные свидетельства, написанные людьми, близко знавшими поэта. По существу, они являются основным источником информации по данной теме. Степень достоверности их различна: мемуары, дневники, рассказы по памяти, но в большинстве случаев авторы воспоминаний, записок стремились сохранить своеобразие ахматовской речи и оригинальность ее суждений.

А. Ахматова говорила о Достоевском со страстным восхищением, она чувствовала и не раз подчеркивала ту внутреннюю связь, которая объединяла ее с этим человеком. «Из записок о встречах с А. Ахматовой» Г. Глекина:

«Блок от Достоевского и от Некрасова, и по секрету вам скажу, мы тоже — и Осип, и я».

Произведения Достоевского глубоко волновали Ахматову. Ближе к сердцу принимала она страдания всех «униженных и оскорбленных». Она признавалась Г. Адамовичу:

«Знаете, читать его мне ужасно трудно. В молодости я не могла прочесть ни одного его романа до конца. Не могла, начинала читать, не сплю, ночь провожу над книгой... и чувствую, что надо бросить, иначе заболею. И действительно, я

когда-то едва не заболела, читая «Бесы». Не могу выдержать всех этих мучений, этого горя, этих обид.

Но тем не менее она вновь и вновь возвращалась к уже прочитанным страницам, находя в них то новое, что еще предстояло понять и осмыслить.

Сохранились ее отзывы, порой противоречивые и меняющиеся со временем, о романах Достоевского. Вот несколько из них.

«Бесы» — апокалипсическая вещь, вершина, и неверно, что она какая-то реакционерная. Она — самая человеческая, а значит, революционная».

Следующие два отрывка из разговора Анны Андреевны с Лидией Чуковской датированы маем и сентябрем 1940 г. «Да, вы правы, «Идиот» лучше всех. Поразительный роман... и знаете, что я заметила? Вы никогда не думали о старичках у Достоевского, об этих надушенных, учтивых, порхающих, наивных старичках? Я поняла, что это — все люди пушкинской поры, зажившиеся на свете, и он показывает их такими, какими они представлялись его поколению. Такими он и его сверстники видели людей пушкинской поры — таким был для них, например, князь Вяземский».

Через несколько месяцев А. Ахматова снова возвращается к разговору о Достоевском:

«А мне в последнее время Достоевский представляется почти идилическим. Я вот теперь в Москве перечла «Подростка». Ах, какая вещь!

Судя по воспоминаниям Михаила Будыко, со временем отношение Ахматовой к этому роману изменилось: «Все произведения Достоевского хороши, кроме «Подростка». Я определенно не люблю эту вещь. Невозможная идея — герой строит свое будущее на шантажном письме. И потом там есть ошибки в пересказе Библии». Подробнее об этом пишет Анатолий Найман: «Со скрытым торжеством рассказывала она, как поймала на ошибке Достоевского — или Подростка, если у Достоевского эта ошибка была задумана». Ахматова, которая великолепно знала Библию, заметила, что история Ависаги из III Книги царств в данном контексте ни при чем. Достоевский, конечно же, имел в виду историю, рассказанную в 13-й главе II Книги Царств: о темной страсти Давидова сына Амнона к Авессаломовой сестре Фамари. Такое внимательное чтение и удивительная чуткость Ахматовой к деталям проявлялась и в других ее суждениях о произведениях Достоевского.

«Достоевский у меня самый главный. Да и вообще он самый главный. Я сейчас как раз перечитывала «Преступление и наказание». Только вот, знаете, мне кажется, что вся линия Мармеладовых лишняя. Это у него осталось от старого замысла, от «Пьяненьких». Это еще слабость писательская, в более поздних вещах у него этого нет. Нам все время хочется быть с ним, мучиться вместе с ним, а приходится слушать про Мармеладовых каких-то; Соня была ему нужна, но незачем было прицеплять к ней маму, папу, трех детей и, как это гениально, что Раскольников возненавидел потом мать и сестру, они были связаны для него с «этим» и он их видеть не мог».

После поездки в Загорск Анна Ахматова щедро делилась своими впечатлениями от Лавры: «Это так мудро и так добро, все эти древние иконы, эти стены, церкви... Не растрелиевская колоколенка, конечно, а вот именно эта самая святая старина, мох на кровлях собора, деревянные иконостасы, не литые из серебра, а настоящие, темные. Мне понятно, откуда у нас Пушкин и откуда Достоевский».

Как вышло, что только двое — Тютчев и Достоевский — поняли самое духовное в русском народе? Мы, люди 60-х годов XX века, твердо знаем, что самым великим событием нашего века была Октябрьская революция... И вот этот самый взрыв, потенциал, заложенный в самом духе народа, его одухотворяющий и ставший духом XX века, этот дух за долго видели Тютчев и Достоевский...».

В продолжение этих слов хотелось бы привести один эпизод из беседы Анны Ахматовой с американским гостем, который настойчиво хотел узнать у нее, что такое «русский дух». Она старательно уклонялась от ответа, американец продолжал наседавать. «Мы не знаем, что такое русский дух!» — произнесла Ахматова сердито. — «А вот Федор Достоевский знал», — решился американец на крайний шаг. Он еще кончал фразу, а она уже говорила: «Достоевский знал много, но не все. Он, например, думал, что если убьешь человека, то станешь Раскольниковым, а мы сейчас знаем, что можно убить и 50 и 100 человек — и вечером пойти в театр».

Круг интересов Анны Ахматовой был очень широк. Ее наблюдения всегда отличались беспристрастностью и оригинальностью. Приведем несколько ее афористически кратких суждений: «Только страшно ранняя смерть Лермонтова сделала так, что мы воспринимаем его как поэта. Он созда-

тель, родоначальник русской прозы. Не от Пушкина или Гоголя, а именно от него Толстой и Достоевский...».

Надо заметить, что для Ахматовой Достоевский всегда значил больше, чем Толстой. Хорошо известна ее резкая критика Толстого. Однажды Борис Пастернак даже предупредил Исая Берлина о том, что Ахматова непременно будет говорить с ним о Достоевском и нападать на Толстого. Несколько замечаний Ахматовой на тему «Достоевский и Толстой»: «Достоевский — величайшее явление в русской или даже мировой литературе, но и он, как Толстой, пытался выйти из нее сапоги тачать. Я имею в виду его дневники и другое, например, «Подросток».

«Между ними гораздо больше общего, чем это обычно считают. Исповедь Зосимы — чистый Толстой. Оба ересиархи и проповедники. Если бы Достоевский не умер, он стал бы на путь Толстого — моральной проповеди. Это русская национальная черта — тяга к проповеди».

Всякий раз, когда речь заходит о жизни и творчестве оставивших заметный след писателей или поэтов, возникают связанные с их именами географические ассоциации, которые олицетворяют их судьбы. Ахматова и Достоевский... имена названы, и у большинства услышавших их возникает образ Петербурга. Для писателей второй половины XIX—XX века большое значение имел образ Петербурга, созданный Достоевским.

В своем знаменитом очерке «Город» Анна Андреевна пишет: «Петербург я начинаю помнить очень рано — в девятилетних годах. Это в сущности Петербург Достоевского. Это Петербург дотрамвайный, лошадиный, коночный, завешанный с ног до головы вывесками, которые безжалостно скрывали архитектуру домов. Воспринимался он особенно свежо и остро после тихого и благоуханного Царского Села».

В разговоре с Вячеславом Ивановым Ахматова подробно останавливается на одной из примет старого города — петербургских вывесках: «Тогда было много вывесок. Все дома в вывесках. Потом устроили комсомольский субботник, архитектура города обнаружилась — хорошая архитектура, наличники, кариатиды; но что-то ушло, стало мертвей. Достоевский его видел еще в вывесках!».

Вновь и вновь удивляешься тому вниманию и подробностям пейзажа, приметам времени и места, которые стали отличительной особенностью ахматовского стиля. В этом отношении она близка к Достоевскому.

Петербург подарил нам идею русской трагедии, вызревшей в творчестве Пушкина, воплощенной в «Петербургских повестях» Гоголя, породившей прозу Достоевского. Это трагедия подавления человеческой личности. Петербург у Достоевского — «самый фантастический, самый отвлеченный и умышленный город», и в то же время он в высшей степени реален, он оказывает постоянное и странное воздействие на судьбы людей. Мысли, поступки героев Достоевского в значительной мере объясняются тем, что они петербургские жители.

Анна Ахматова унаследовала эту традицию русской классической литературы.

Петербургу принадлежит первое место в ее поэзии. Она любила этот город, хотя пережила в нем так много потерь и страданий. Город незримо живет во всей ее поэзии, он как бы непреходящий участник всего происходящего с лирической героиней. Поэзия Ахматовой с самого начала заключала в себе оба лика города: город соборов, дворцов и театров сочетался с мечущимся, беспокойным и тревожным «городом накануне». В ее стихах они непостижимым образом сливались, зеркально перемежаясь и таинственно попадая друг в друга. «Загадка Ахматовой» — сочетание ирреальности, бреда и зазеркалья с абсолютной психологической и даже бытовой достоверностью.

Ахматова и Достоевский были художниками города на Неве, но их объединяет не только любовь к этому городу. Близко их понимание, художественное восприятие Петербурга. Можно сказать, что та концепция Петербурга, которая существовала у Ахматовой, имеет глубокие исторические и художественные корни в творчестве Ф. М. Достоевского.

Многие литературоведы указывают на духовное родство героев Ахматовой и Достоевского. Человек у Ахматовой показан в самые напряженные, в самые тяжелые минуты его жизни. Высокий трагический накал страстей, драматургии душевного конфликта, диалектическое развитие переживаний и чувств героев — все это одинаково свойственно как Ахматовой, так и Достоевскому.

Искать в стихах Ахматовой единообразный колорит — путь заведомо ложный. Нередко в лирическую ткань повествования врываются поединки характеров. Резкими чертами обозначены их различия и противоположности. Проглянуло то противоречие характеров, смиренного и деятельного, умиротворенного — и строптивного, которое развивается на ты-

сячах страницах Достоевского (князь Мышкин — Настасья Филипповна, Алеша Карамазов — Иван Карамазов). Понадобилась смелость Ахматовой, чтобы ввести в лирику подобные дисгармонические ноты.

Хотелось бы сказать несколько слов об образе Настасьи Филипповны. Как писал Алекс Павловский: «Ахматова искала спасения от охватившего ее ужаса в религии, в самоистязаниях совести, в красоте природы и в поэзии...

Эти настойчивые искания духа, инструментированные очень по-женски, главным образом, в теме любви, эти непрерывные поиски смысла и высоты жизни, сопровождающиеся постоянными и такими глубоко русскими по своим душевным жестам волнениями совести и веры заставляют вспомнить героев Достоевского и более всего Настасью Филипповну».

Значение этого образа в поэзии Ахматовой шире, чем это может показаться на первый взгляд.

Можно предположить, что для Ахматовой образ Настасьи Филипповны был одним из главных женских образов. Ее, как поэта женской души, не могла не привлечь внутренняя сила жизни этой героини, ее любовное безумие и глубокая трагичность. Может быть, поэтому Настасья Филипповна сродни многим лирическим героиням стихов Ахматовой.

В одном из своих очерков Анна Ахматова упоминает имя Настасьи Филипповны.

«Запахи Павловского вокзала — обречена помнить их всю жизнь... Первый — дым от допотопного паровозика, второй — натертый паркет, третий — земляника в вокзальном магазине... А еще призрак Настасьи Филипповны...».

Интересен также и тот факт, что в набросках к «Поэме без героя» взвешивалась возможность включить Настасью Филипповну в число литературных персонажей маскарада. Остается пока не ясным, почему Ахматова отказалась от этого замысла.

Проблема «Ахматова и Достоевский» рождает множество других тем, каждая из которых — новая ступень в понимании творчества обоих писателей.

Это такие темы, как:

— Петербург Ахматовой и Достоевского,

— психология героев Ахматовой и Достоевского,

— образ Христа в творчестве Ахматовой и Достоевского

и далее:

— обращение, молитва к Господу,

Христовы заповеди (святость человеческой жизни, «люби ближнего своего», «не лги», «делись последним с нуждающимися» и т. д.),

мотивы покаяния,

мотив нищенства и сиротства,

мотив прощения грехов,

мотив равенства перед богом,

взять чужой грех на себя,

отказ от славы и богатства,

мотив смирения гордыни,

— тема страдания, мученичества, беспредельной тоски,

— тема «неукротимой», больной совести, обрекающей на муки,

— тема пророчества, предчувствия,

— тема двойничества, а также мотив тени, как компонент более общей темы двойничества,

— тема «преступления и наказания»,

— тема страха,

— тема смерти, особенно восприятия и ожидания смерти.

Исследования этих тем добавят новые штрихи к биографии двух великих художников.